

Исследователей «Повести» не могло не поразить, что едва ли не всем персонажам произведения, в том числе и боярину Шеину, знаком отец Саввы. Эта странная популярность Грудцына-старшего дает повод думать, что здесь мы имеем трафаретную сказочную связку — узнавание, использованную для объединения различных частей сюжета. Савва оказывается известным всем, кто населяет художественный мир «Повести», но, чтобы придать этому сказочному факту иллюзию правдоподобия, автор переносит известность на богатого купца Грудцына-старшего.

Еще одно «темное» место основного испытания — упоминание о том, что успехи Саввы стали ведомы царю. Эта деталь превратилась в удобный повод для далеко идущих миметических выводов: «Штрихи, которыми она (повесть, — И. С.) рисует личность царя Михаила Федоровича, — утверждает Н. А. Бакланова, — в действительности скорее можно отнести к Петру I. В самом деле, воинские успехи Саввы становятся известны самому царю; Бес говорит Савве: „Царь узнает твою службу и повысит тебя в чине“. Эту и подобные ей фразы ... трудно отнести к царям XVII века, окруженным строгим полуцерковным дворцовым ритуалом, и особенно к бледной, инертной фигуре Михаила Федоровича; такая фраза гораздо более уместна по отношению к Петру».⁵¹

Возражения, выдвинутые С. В. Колачевой по поводу этих сомнительных догадок, кажутся бесспорными: «В данном случае... исследовательница переоценила способность писателя XVII века следовать исторической правде. Древнерусский писатель любого царя мог представить как царя-батюшку, независимо от того, каким этот царь был в действительности».⁵²

Но зачем же все-таки нужно было автору «Повести» устанавливать связь Саввы с царем? И не просто связь! «Бес же с яростию рече ему: „Почто убо хощещи презрети царскую милость и служити холопу его? Ты убо и сам ныне в том же порядке устроен, уже бо и самому царю знатен учинился еси“». Еще ярче о парадоксальной близости Саввы к царю сказано в вариантах: «А когда царь уведает твою верную службу и тогда учинен будещи по повелению цареви и сам такой же» (стр. 248—249).⁵³ Вывод недвусмыслен: все подготовлено к тому, что Савва породнится с царем. Основное испытание в неявном виде включает в себя, программирует сказочный апофеоз — женитьбу героя на царевой дочке и воцарение.

Но, подобно эпизоду ранения, эта тема не вписывается в общую картину «Повести». Сказочного апофеоза не происходит. Отсутствие дополнительного испытания и триумфа героя лишает эти фрагменты сюжета всякого смысла. Трансформационный процесс не зашел еще так далеко, чтобы насытить сцену клеймения и слова Беса о будущей близости Саввы к царю новым значением, но уже породил в механизме повествования логические противоречия.

«Рассматривая ... сказочный сюжет, — пишут авторы статьи „Проблемы структурного описания волшебной сказки“, — следует отметить... одну любопытную черту — „конусообразность“ построения, согласно которой сказки обнаруживают тем большее сходство, чем ближе к финалу. Конечная цель одинакова для всех волшебных сказок...»⁵⁴ При пере-

⁵¹ Н. А. Бакланова. О датировке «Повести», стр. 455—456.

⁵² С. В. Колачева. Еще раз о датировке... стр. 393.

⁵³ В заключительной части повествования царь окружает Савву всяческим вниманием: посылает ему пищу со своего стола и т. п.

⁵⁴ Проблемы структурного описания... стр. 99.